

Андрей КОНЧАЛОВСКИЙ, кинорежиссер:

Кино умерло, но притворяется живым

Известия 2003-29 нояб-с.1,11.

...Квартира Андрея КОНЧАЛОВСКОГО, куда в последние месяцы прихожу в связи с работой над его телепроектами, давно уже меньше всего похожа на жилое помещение. Это смесь офиса, съемочного телепавильона и студийной монтажной, где полно приходящих и уходящих людей, непрерывно звонят телефоны, светится экран компьютера, где самого хозяина, когда он на месте, трудно заставить сосредоточиться на каком-то разговоре, потому что в него неизбежно вклинивается другой, и третий, и четвертый. Так что это интервью возникло почти случайно, когда в квартире-офисе-монтажной почти никого не осталось, а самого Кончаловского, только-только вернувшегося из Италии, где на конференции в память Феллини он делал доклад, еще не затянула текучка дел.

— Как вы успеваете жить в таком темпе?

— Я не знаю, в каком темпе я живу. Я практически все время вынужден делать то, что мне делать не хочется. Но делаю, потому что должен.

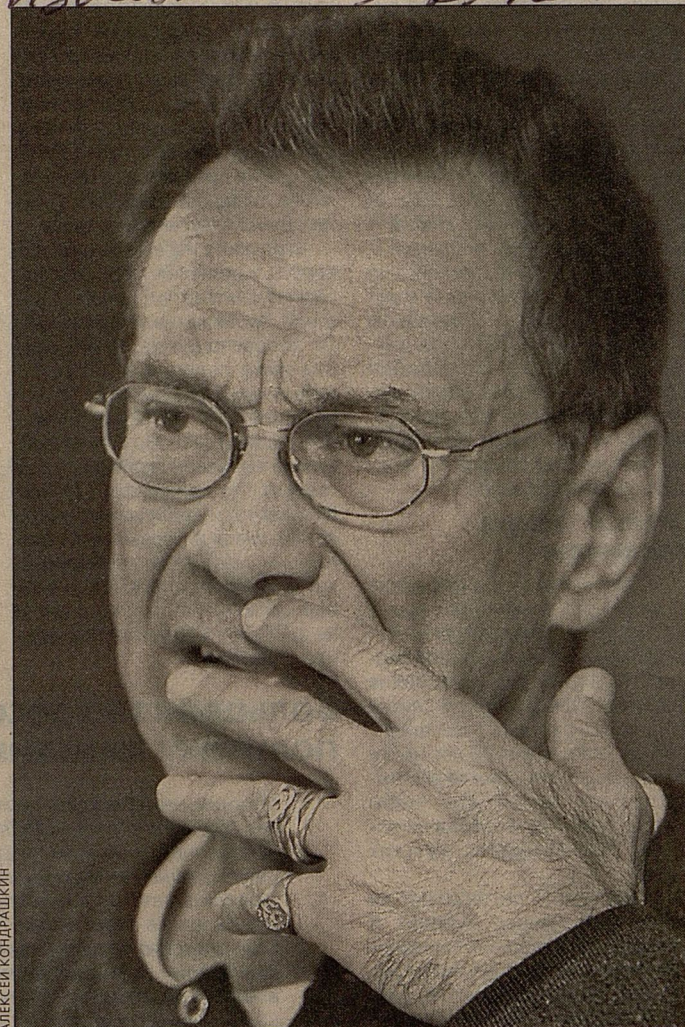
— А что из того, что вы делаете, вам делать не хочется?

— Просить пленку на фильм, который я продюсирую. Просить деньги на картину, которую хотел бы увидеть снятой. Терпеть не могу просить. А все время приходится — чтобы работал мой Фонд по поддержке кино и театра, снимались документальные картины. Хотелось бы сидеть дома, читать умные книги, записывать мысли, а затем снимать фильмы, в которых эти мысли каким-то образом продолжались. Но это мечта. По этой причине самое главное время моей жизни — утро. И вечером еще полтора счастливых часа, когда могу, лежа в постели, почитать, поразмышлять. А хотелось бы, чтоб на это у меня было хотя бы полдня. В Москве иначе не получается. Много обязанностей — мало прав.

Мечта о «башне из слоновой кости» привлекательна, но недостижима. Завидую людям, которые могут заниматься только своей профессией. Радуюсь, когда мое имя помогает кому-то получить некоторое количество денег на скромную документальную картину. Документальное кино, как мне кажется, сегодня становится важнее художественного.

— Почему?

— Художественное кино умерло. Оно только притворяется живым, но уже потеряло ту роль, которую играло четверть века назад. Я говорю о роли властителя дум, аналогичной той, какая была в XIX веке у художественной литературы. В середине XX века, вплоть до 80-х, кино было важнейшим из искусств, как совершенно справедливо считал пролетарский вождь. Если бы он высказывался на аналогичную тему сегодня, не сомневаюсь, важнейшим из искусств он назвал бы телевидение.

АЛЕКСЕЙ КОНДРАШКИН

Андрей Кончаловский

(Окончание на 11-й стр.)

Андрей КОНЧАЛОВСКИЙ, кинорежиссер:

Кино умерло, но притворяется живым

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

Сейчас, в начале XXI века, цивилизация переживает информационный шок, ее обилие уже не помогает, а как ни странно лишь мешает нашему знанию о мире. Мы захлебываемся в информационном поносе.

Любые истины от частого повторения перестают восприниматься. А случайное сочетание слов, даже если оно абсурдно, обращает на себя внимание. Был сделан такой опыт: роботу дали написать фразу. Он написал какую-то чушь, но для читателя она оказалась более интересна, чем война в Ираке.

Сегодняшнему человеку не нужно кино, которое пытается понять тайну о человеке, ему нужно развлечение, фаст-фуд, Макдональдс. В 9 из 10 московских кинозалов идут те же самые десять американских картин. И где-то на периферии на неделю-другую вдруг мелькает русская картина, если она вдруг получила какой-то особенный приз на каком-то фестивале. Кино было искусством тогда, когда не было слов «маркетинг», «масс-медиа», «суперстар».

Во времена Феллини не было суперзвезд — были просто звезды. А когда начинается «супер», кино конец. Сегодня время футбола, а не кино. Все деньги там. Футбольная звезда получает намного больше кинематографической. За футболиста платят сорок миллионов долларов — ни одна кинозвезда не идет по такой цене. Я думаю, с ощущением такой ответственности мучительно трудно бить по мячу. Франсуа Мориак назвал XX век веком спорта. Продолжая его, могу назвать XXI век веком футбола. Это уже случилось.

— Довольно пессимистически у вас прогнозы.

— Ну зачем так. Я говорю о вещах объективных. Пессимизм — если бы я говорил «человечество умирает». А я уверен, оно выживает. Только вот условия, в которых оно выживает, не способствуют развитию индивидуальности. Они слишком благоприятны. Когда человеку все преподносят на блюде — телевизор, дешевую еду, комфортную обстановку, — он перестает воспринимать ценность вещей. Все разжевано, нет места энергии сопротивления. Неблагоприятные условия полезнее, поскольку заставляют напрячь все способности. Естественно, речь идет о разумных пределах. Потребление безмерного количества информации не увеличивает эрудицию. Сегодняшний человек очень много знает, но эти знания ему не слишком на пользу. Кто сколько зарабатывает, у кого с кем роман, какая форма сейчас в моде. Можно знать все сорта редких вин, поспевать на все премьеры, одеваться в лучших бутиках, но качество вашей жизни от этого не повысится. Оно в сущности зависит лишь от вашей способности размышлять. А жизнь тянет вас не к размышлению, а к потреблению. И прежде всего информации. Самая большая помеха — это Интернет.

— Но это же и самый большой источник знаний.

— Все эти знания всегда можно получить в любой библиотеке. Там никто ничего тебе не вливает, не

кричит: «Это, это возьми!» А когда приходишь в Интернет, на тебя уже обрушивается вал того, что тебе заведомо не нужно. И это не может не действовать на твою психику. Сегодня в информативном поле оглушительный вой. Поэтому, я думаю, привилегией богатых будет тишина и отсутствие компьютеров. Компьютеры они оставят наемным служащим.

— Тут уже заветил оптимизм. Если неблагоприятные условия полезны для творчества, значит, можно ждать — и от вас также — новых больших произведений.

— Речь сейчас не о моих фильмах, а о роли кино в XX веке и сейчас. Тогда кино было инструментом познания, открытия мира. Режиссеры были герои, великие капитаны, управляющиеся в нехоженые дали, чтобы привезти нам неведомые доглы истины, — Кук, Беринг, Лаперуз, Америго Веспуччи, Колумб...

Висконти, Пазолини, Феллини, Бунюэль, Бергман, Ваида, Антониони, Калатозов, Курасава — для зрителя они все были герои, первооткрыватели. И сам зритель вместе с ними открывал мир. Он шел в кино не на звезд — на режиссера. Сегодня осталось, пожалуй, лишь три-четыре режиссера, на которых «ходят». На Спилберга, потому что это наверняка будет занимательно, на Скорсезе и Кополу, но не потому, что они классики, а потому, что они селебрити, знаменитости, на Вуди Аллена, у которого есть своя аудитория, в основном в Европе. Почему больше не ходят на режиссеров? Изме-

две голливудские картины. Ну, может быть, иногда одна итальянская. Но про французскую, английскую, русскую забудьте. Зритель реально может выбирать только между четырьмя голливудскими картинами. Это блокбастер, в чистом виде колонизация.

— Как в этом контексте вы смотрите на судьбу своих последних картин и на перспективы будущих?

— Надо приспосабливаться к обстоятельствам. Понимать, что у твоих картин никогда не будет огромной аудитории. Смириться с тем, что отныне ты должен делить свои мысли с небольшим кругом людей, а потому и делать фильмы с минимальным риском. Делать картины максимально дешевые, которые окупят себя, даже если в мире их посмотрят какие-нибудь сто тысяч зрителей. Если их будет миллион — уже счастье. А голливудскую картину смотрят 80 миллионов. Надо привыкать к тому, что твоё кино уже не самое массовое из искусств. Раньше меня волновали цифры прокатного успеха — сейчас нет. Сейчас для меня важнее качество восприятия. Лучшие немногие зрители, которые благодарно разделяют твои чувства, чем многие миллионы тех, кто вышел и забыл. Та горстка кинематографистов, пытающихся сегодня делать авторское кино, напоминают мне первых христиан, укрывавшихся в катакомбах во времена Римской империи. Я, конечно, преувеличиваю, чтобы заострить суть того, о чем говорю. Случаются исключения. Но поскольку мы живем в колоссальном потоке ин-

Мне все чаще приходит в голову мысль об искусственности ценностей, в мире которых мы живем. Ценности определяются суммой, за которую их можно продать. На аукционе Сотби за клочок бумаги, на котором Джон Леннон нацарапал слова одной из своих песен, совсем недавно заплатили полмиллиона долларов. Леннон безусловно замечательный музыкант, талантливый человек, но если бы он знал, что за этот черновик могут дать столько, если бы он сам мог получить эти деньги, он тут же бы отдал эти деньги на помощь голодным детям Африки или на что-либо подобное.

Сегодня художественная ценность — то, что можно продать. Ценности материальная и художественная — в том смысле, как они понимались в допостмодернистские времена, — разошлись в разные стороны. Если сегодня в Музее Пушкина у уважаемого мною Ирины Александровны Антоновой размещена выставка Эндо Уорхола или какого-то знаменитого фотожурналиста, мне кажется, что ей должно быть неловко. Когда я спрашиваю ее: «Неужели этому место в Музее изящных искусств?» — она вино вато опускает глаза: «Знаете, Андрей Сергеевич, ведь ходят, смотрят». Действительно, Уорхол был талантливый промоутер, знаменитый своим белым париком, изысканным гомосексуализмом и умением создавать мифы, но художник ли он? Видеть его в залах на Волхонке мне смешно. Западная цивилизация самоуверенно полагает, что ее ценности универсальны. Одна из самых опасных вещей на свете — невежественный оптимизм. Думать, что все будет так, как мы хотим, и только наше дело правое, чреват горьким разочарованием. Миру еще предстоит осознать это, и осознание будет протекать в жестких формах. 11 сентября — начало этого осознания, первый подземный толчок, обнаживший искусственность западных ценностей.

Самая главная из них — деньги. Они стали целью, а не средством, и это определяет тот колоссальный, все более увеличивающийся разрыв, существующий между 20 процентами населения, «золотым миллиардом» планеты, и всеми остальными. Четыре пятых валового мирового дохода приходится на «золотой миллиард» и одна пятая — на остальные пять. Развитые страны не в состоянии публично признать кризис капиталистической системы. Ни один политик, заявивший это, не будет избран. Потому что из этого следует необходимость перераспределения богатства в пользу стран бедных, а значит, страны богатые должны беднеть. В итоге катастрофические потрясения будут продолжаться, и они все равно приведут к тому, что западные страны станут беднее. Если бы богатые на предложение

поделиться ответили бы: «мы готовы», можно было бы начать как-то сглаживать существующую пропасть. Но вот во Франции попытались увеличить рабочую неделю на один час — и тут же по всей стране волна демонстраций.

А суть проблемы в том, что частная собственность — священная корова капитализма. Она неприкосновенна. Но в XIX веке частной собственности объявлялись не только продукты производства и результаты интеллектуального труда, но и недра. А недра, золото, нефть, как и вода, воздух, то, что дано человеку от Бога, а не создано его руками, не могут принадлежать никому одному. Они принадлежат всей нации, живущей на этой земле. Академик Дмитрий Львов написал прекрасную статью «Роль России в мировой цивилизации». Поскольку капитализм сегодня не в состоянии решить проблемы, с одной стороны, создания необходимых для человека условий существования, а с другой — равномерного распределения энергетических ресурсов планеты, он не может разрешить и противоречие между богатыми и бедными странами. Жить по американскому образцу планета не сможет уже хотя бы потому, что для такой жизни понадобится не одна, а четыре планеты с аналогичными ресурсами. Мы вошли в абсолютно новую эру глобальной конфликты цивилизаций в самых его безжалостных формах: таков результат агрессивной глобализации.

Противостояние это еще только начинается. Когда я вижу на телеэкране силуэт американского солдата со всеми его навороченными атрибутами, мне становится безумно жалко всех этих несчастных парней. Для 90 процентов жителей планеты они уже больше не замечательные джиги, некогда ассоциировавшиеся с освобожде-

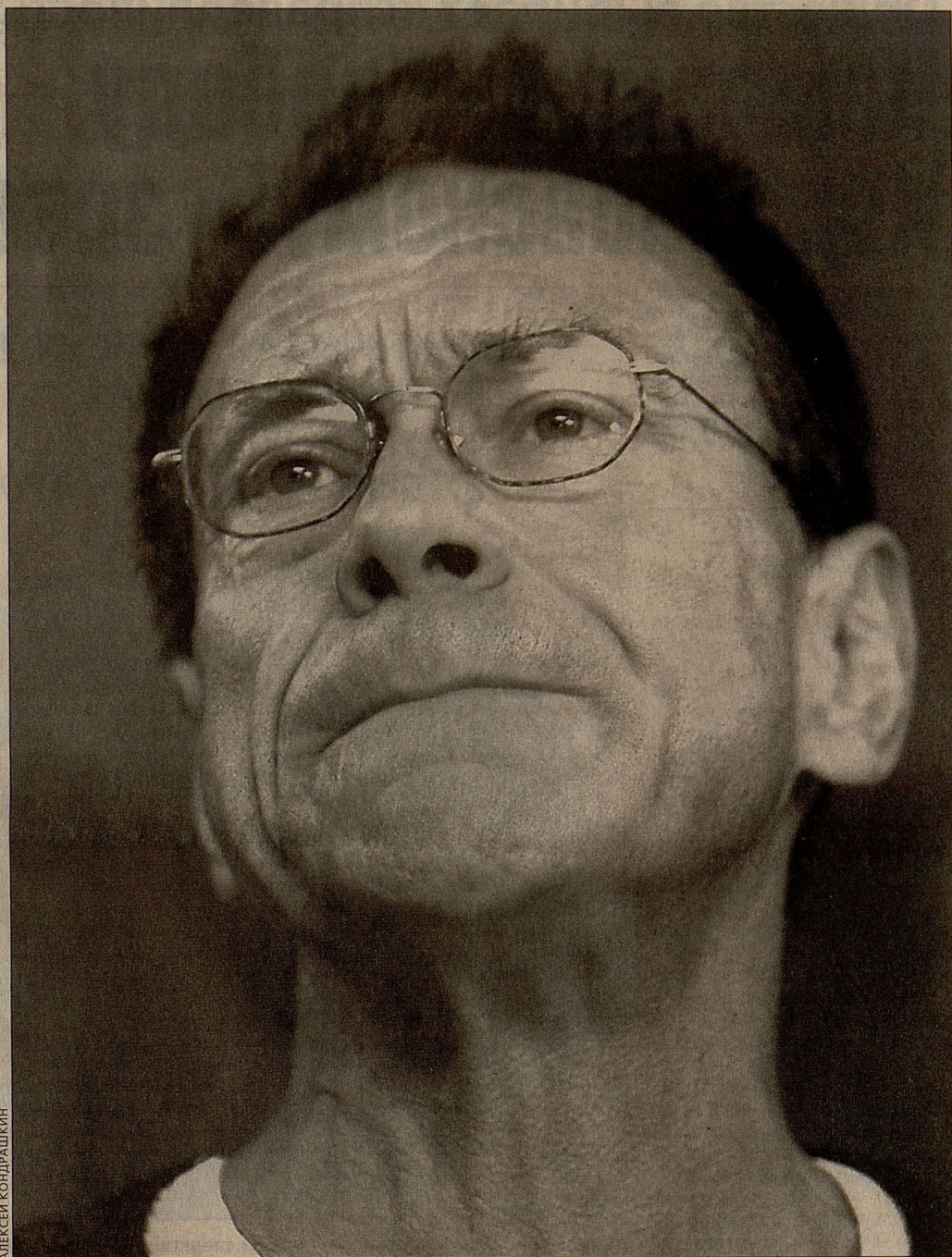
нием, за ними просвечивает уже иной, враждебный образ.

— Да, конечно. Но у большинства людей в мире никаких банковских счетов нет. Замечательную статистику приводит Львов. Если взять все финансовые сделки, заключаемые в мире, то реальные в этом объеме составляют не более 18 процентов. Реальные — это когда деньги покупают продукт, имеющий в дальнейшем полезное применение. Оказывается, 80 процентов сделок — чисто финансовые спекуляции с ценными бумагами, деньги делают деньги. Мы просто не задумываемся, в каком мире опрокинутых ценностей существует западное общество.

Середины 70-х, когда стала явной дезинтеграция коммунистической системы, мировое общественное мнение исходило из того, что стоит только разрушить этого монстра, как начнется либерализация рынка, а за нею придет процветание. Бывшие колонии обрели независимость и стали именоваться развивающимися странами. Им обещали экономические влияния в обмен на принятие системы рыночных ценностей. Несчастные страны, толком не знаящие, что такое рынок, поскольку сохранили общинный уклад, согласились в ожидании благ, которые на них посыплются. Деньги в них вошли и тут же вышли. Сегодня нет стран, за исключением Тайваня, Испании, Японии и Сингапура, которых бы либерализация рынка привела к экономическому процветанию. Вся Латинская Америка, вся Африка, включая также и богатые страны типа Нигерии с ее огромными запасами нефти, в катастрофическом положении. Никто уже не говорит об этих странах как о развивающихся.

— А что вы думаете по поводу высказываний Чубайса о «либеральной империи»? Возможна ли такая?

— Не знаю, что он имеет в виду под словом «империя». Что он имеет в виду под словом «либеральной», я знаю. Но таков русский капитализм. Он рос как попухи на пустыре. Он не возделывался. На протяжении всей своей тысячелетней истории страна не знала правовой культуры, не усвоила правового самосознания. Мой двоюродный дед по материнской линии Дмитрий Кончаловский пишет, что из русских республиканских порывов ничего

Андрей Кончаловский: «Неблагоприятные условия полезнее, поскольку заставляют напрячь все способности»

Дуэ-Джона. Вы этот канал смотрите? Он вас касается?

— Нет.

— Меня тоже. Но мы с вами еще более или менее просвещенные люди. Что же тогда говорить о жителях Эфиопии, Косово и о 99 процентах наших сограждан? Если завтра лопнет биржа, мир будет кричать о катастрофе. Но латиноамериканский или русский крестьянин этого даже не почувствуют. Они живут, как и века назад, натуральным трудом.

— Но мы с вами все-таки почувствуем.

— Почувствуем только то, что в магазине не будет каких-то товаров.

Жить по американскому образцу планета не сможет, уже потому хотя бы, что для такой жизни понадобится не одна, а четыре планеты с аналогичными ресурсами

— И то, что наши деньги в банке, даже если там одна пенсия, превратятся в ноль.

— Да, конечно. Но у большинства людей в мире никаких банковских счетов нет. Замечательную статистику приводит Львов. Если взять все финансовые сделки, заключаемые в мире, то реальные в этом объеме составляют не более 18 процентов. Реальные — это когда деньги покупают продукт, имеющий в дальнейшем полезное применение. Оказывается, 80 процентов сделок — чисто финансовые спекуляции с ценными бумагами, деньги делают деньги. Мы просто не задумываемся, в каком мире опрокинутых ценностей существует западное общество.

Середины 70-х, когда стала явной дезинтеграция коммунистической системы, мировое общественное мнение исходило из того, что стоит только разрушить этого монстра, как начнется либерализация рынка, а за нею придет процветание. Бывшие колонии обрели независимость и стали именоваться развивающимися странами. Им обещали экономические влияния в обмен на принятие системы рыночных ценностей. Несчастные страны, толком не знаящие, что такое рынок, поскольку сохранили общинный уклад, согласились в ожидании благ, которые на них посыплются. Деньги в них вошли и тут же вышли. Сегодня нет стран, за исключением Тайваня, Испании, Японии и Сингапура, которых бы либерализация рынка привела к экономическому процветанию. Вся Латинская Америка, вся Африка, включая также и богатые страны типа Нигерии с ее огромными запасами нефти, в катастрофическом положении. Никто уже не говорит об этих странах как о развивающихся.

— А что вы думаете по поводу высказываний Чубайса о «либеральной империи»? Возможна ли такая?

— Не знаю, что он имеет в виду под словом «империя». Что он имеет в виду под словом «либеральной», я знаю. Но таков русский капитализм. Он рос как попухи на пустыре. Он не возделывался. На протяжении всей своей тысячелетней истории страна не знала правовой культуры, не усвоила правового самосознания. Мой двоюродный дед по материнской линии Дмитрий Кончаловский пишет, что из русских республиканских порывов ничего

не получилось: и в Пскове, и в вольном Новгороде они окончились кровавым подавлением. А в Западной Европе государство возникло как конгломерат вольных городов, где и возрастал класс буржуазии. Различные очень существенные. Поэтому у нас каков народ, такова и Дума. Ничего другого быть не может.

Культура страны определяет ее судьбу. Сколько бы мы ни избирали наших депутатов, с какими бы благородными намерениями они ни шли на выборы, ничего это не изменит. Уже и намерений хороших не осталось, место в Думе стоит миллион, и все это знают. Но почему-то продолжают говорить: «Не дай бог, чтобы демократия у нас кончилась!» Уместнее спрашивать, когда она начнется.

Недавно я узнал, что если американский судья встречается с одной из спорящих сторон без присутствия второй, возбуждается уголовное дело — и на судью, и на того, с кем он встречался. Даже если просто как-то попили, в теннис поиграли. Даже если это происходит в судебном кабинете судьи. Истец или ответчик имеет право встречаться с судьей только в присутствии другой стороны. Потому в Америке все по-другому.

— Что же вы собираетесь делать в существующей ситуации как режиссер кино, театра, телевидения и как продюсер?

— Я не очень хороший бизнесмен, не очень хороший организатор. Я мечтал бы, чтобы меня носила на руках какая-то большая женщина с большими сиськами, феллиниевская Сарагина, только очень богатая. Она бы меня баюкала и спрашивала: «Сколько денег, Андрончик, тебе нужно на следующий фильм?» Такого, к сожалению, нет. Поэтому я пытаюсь соразмерить свои замыслы с теми деньгами, которые, по моим соображениям, возможно на них найти. Я не могу сделать в России фильм о Марко Поло, не могу о Кортесе — ни один из больших задуманных проектов. Я думаю лишь о фильмах в пределах тех средств, которые может позволить себе для моих фильмов российское кино. Фильмы моего сына имеют гораздо больше шансов найти финансирование. Он делает блокбастеры, с ним несятся, это человек нового поколения, знающего слова «маркетинг», «таргетинг», «продакт плейсмент». Маркетинг — это как продавать картину, таргетинг — на какую публику ее делать, а продакт плейсмент — с кого брать деньги за то, что его продукт появился на экране. Снял героя с «Ролексом» — извольте, господа, заплатить нам за это 200 тысяч. Все это бизнес, им занимаются серьезные люди, я уважаю тех, кто умеет это делать, это даже вызывает у меня ощущение собственной неполноценности, но у меня такое кино не получается.

Хотелось бы вообще снимать кино на минимальные сметы, но есть проекты, которые невозможно снять меньше чем за полтора миллиона. Не буду пока подробно говорить о своих замыслах. А если коротко, то хочу снять фильм о современной городской жизни, готовлю автобиографический проект, основанный на двух своих книгах, хочу снять фильм о жизни Врубеля, общаюсь на этот счет с Пелевиним, весной собираюсь ставить на сцене «Чайку» Чехова. Наконец, с Марком Розовским, Юрием Рышенцевым и Эдуардом

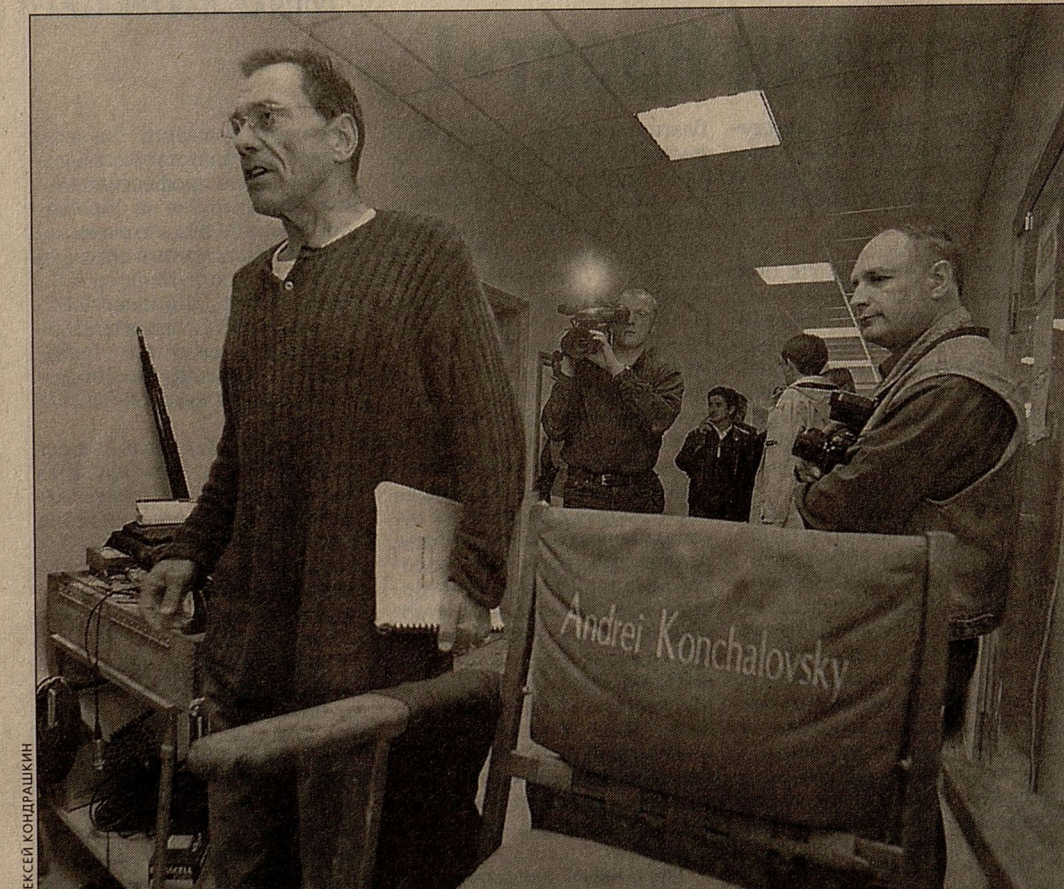
Артемьевым мы заканчиваем рок-оперу «Преступление и наказание». Готовлю ряд документальных лент и циклов, которые считаю для себя очень важными. Документальное кино познавательное, зритель выносит из него ощущение некоего приобретенного знания. Поскольку художественное кино стало субъерогическим, то познание идет через телепередачи, документальные телефильмы, которые рассуждают зрителю то, что раньше он узнавал из книг. А сейчас можно не читать толстый том, достаточно посмотреть передачу, рассказывающую о каких-то умных вещах, будь то строение Вселенной, биография композитора или жизнь звенков. В этом смысле есть определенная ценность в самом факте запечатления на пленку. В какой-то степени я повторяю путь Росселлини или Ромма, посвятивших свои последние годы документалистике. Два главных проекта, которыми я сейчас занят, — это фильм о Юрии Андропове и большой телефильм «Культура — это судьба», в котором пытаюсь провести ту же главную мысль, что в нашем сегодняшнем разговоре: не политика определяет культуру, а культура — политику.

— Под занавес нашего разговора хочу поздравить вас от имени читателей с рождением сына.

— Спасибо. Вот это самое дорогое, что может быть в жизни. Начинаясь наконец понимать, что все в этой жизни делаешь ради детей. Большое везение, что эта мысль вообще пришла мне в голову — могла бы и не прийти. Есть люди, которые говорят это, но этого не чувствуют. Я это по-настоящему почувствовал достаточно поздно, отчего смысл не поменялся, стал лишь полнее и глубже. В моем возрасте отцовство воспринимается не как обуза, а как феноменальное открытие. Вдруг открывается новый смысл в жизни.

Парадизма смысла жизни у меня не раз менялась. Сначала думал: снимать бы кино! Потом — уехать за границу! Помню, писал «Сибиряду», гулял по Железнодорожному вокзалу, снимал кино буду в России, но жить — за границей. Там мне снимать не дадут». Потом думал: «Мне все равно, что делать, лишь бы жить за границей». Потом я жил за границей. Потом думал: «Когда вернусь, буду снимать такое кино, чтобы его смотрели миллионы». Каждый раз думал: «Наконец-то этой женщиной я построю свой мир». В каждый из периодов рождальное ощущение: «Наконец-то я понял...» И так, верно, будет до старости. В данный момент я понимаю, что самое важное на свете не успех, а семья. Есть счастливые люди, которым семья не нужна. Мне оказалась она важнее, чем перспектива самого немислмого успеха. В молодые годы у меня был приятель Вася Каменский, сын футуриста Каменского, каждый день сидевший в «Национале». Когда у него спрашивали: «Вася, ты женат?» — он отвечал: «Сегодня еще нет. К вечеру — наверное». Бывают моменты в жизни мужчины, когда свобода важнее всего. Сейчас для меня важнее всего создать мир, из которого не хочется уходить, дом, из которого не хочется уезжать, а если уезжаешь, то не расстаешься с мыслью: «Скорей бы назад к своим детям!» Великое счастье.

Александр ЛИПКОВ

На съемках фильма «Дом дураков»

Воспоминания о «Курочке Рябе»